

Сурен Золян

ЮРИЙ ЛОТМАН О СМЫСЛЕ, ТЕКСТЕ, ИСТОРИИ

Темы и вариации

STUDIA PHILOLOGICA

Сурен Золян

**ЮРИЙ ЛОТМАН:
О СМЫСЛЕ, ТЕКСТЕ,
ИСТОРИИ
ТЕМЫ И ВАРИАЦИИ**

2-е издание

Издательский Дом ЯСК
Москва 2020

УДК 82.09
ББК 71.05
3 81

Золян С. Т.

3 81 Юрий Лотман: О смысле, тексте, истории. Темы и вариации. — 2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. — 320 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-907290-04-4

Лотмановское наследие может дать импульс принципиально новым трансдисциплинарным направлениям исследований. Совмещение ипостасей историка русской культуры и семиотика-теоретика позволило Ю. М. Лотману наметить новые подходы к культуре и истории, естественным приращением к которым будет также и предлагаемый лингвосемиотический ракурс рассмотрения. В книге дан анализ ряда ключевых идей Лотмана, рассматривается их возможное развитие в новом контексте. Гераклитовский образ «Самовозрастающего Логоса» рассматривается как основа научной концепции Ю. М. Лотмана, описанные им механизмы создания и умножения смыслов применены к его же собственной концепции. Динамический подход к сотворению текста, осмысление и переосмысление истории, взаимодействие и взаимопретекание текста и поведения — лейтмотивы книги.

В первой части, «Темы», систематизированы взгляды Ю. М. Лотмана на природу текста как динамическое единство создаваемых и транслируемых смыслов в процессе коммуникации автора и читателя. Действия и события описываются как обладающие социальным смыслом знаки, тексты и коммуникативные акты. Претекание текстов в жизнь и историю становится определяющим для инновативных подходов Ю. М. Лотмана к истории и социальной семиотике. Благодаря этому объясняются механизмы переосмысления истории применительно к новым контекстам. Второй раздел, «Вариации», составляют образцы приложения идей Ю. М. Лотмана к описанию текстов и смыслов. Собранные воедино, предлагаемые «темы и вариации» создают кумулятивный и синергетический эффект — показывая возможность «новой жизни» лотмановских идей и приглашая к диалогу относительно их дальнейшего развития. В Приложении помещены очерк «Ю. М. Лотман и Армения» и статья Михаила Лотмана о концепции текста в Московско-тартуской школе.

УДК 82.09
ББК 71.05

*В оформлении обложки использован автошарж Ю. М. Лотмана
(Автопортреты Ю. М. Лотмана. Таллинн: Изд-во Таллиннского ун-та, 2015. № 27)*

ISBN 978-5-907290-04-4

9 785907 290044 >

© Золян С. Т., 2020
© Издательский Дом ЯСК, 2020
© Таллиннский ун-т, автошарж Ю. М. Лотмана, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
----------------	---

Раздел I. Темы

1. Юрий Лотман о тексте: идеи, проблемы, перспективы	13
2. О непредсказуемости прошлого: Юрий Лотман об истории и историках	59
3. Юрий Лотман и социальная семиотика	97
4. Между взрывом и застоём: постсоветская история как семиотическая проблема (по книге Ю. М. Лотмана «Культура и взрыв»)	129
5. Роман-реконструкция: сотворение жанра (о книге Ю. М. Лотмана «Сотворение Карамзина»)	147

Раздел II. Вариации

1. «Бесконечный лабиринт сцеплений»: семантика текста как многомерная структура	159
2. От мифа — к истории (близнечный миф и сюжетная организация «Истории Армении» Агатангелоса)	193
3. «Свет мой, зеркальце, скажи» — волшебное зеркало как семиотическое устройство	205
4. Магическое у Пушкина — семантика и поэтика (магия рукописи)	225
5. О «самовозрастании смысла» в поэтическом тексте	239

Раздел III. Приложение

Юрий Лотман и Армения	245
Литература	261

<i>М. Ю. Лотман. Текст в контексте Тартуской-московской школы: проблемы и перспективы</i>	277
Именной указатель	295
Предметный указатель	299
Библиографическая справка	309
Сведения об авторе	311
Summary	313

ВВЕДЕНИЕ

Заглавие книги отражает концептуальный подход — это не пересказ идей Ю. М. Лотмана (тогда бы мы назвали ее «Лотман о смысле, тексте, истории»). Идеи Лотмана, казалось бы, хорошо известны и в популяризации не нуждаются. Однако это верно только для достаточно узкого круга исследователей. Как это ни парадоксально, многое из того, что было новаторским, так и до сих пор остается недостаточно понятым или же просто игнорируется, или даже забыто¹. Если же проследить за тем, как и в какой связи упоминаются работы Лотмана, то складывается впечатление, что это уже скорее дань сложившейся академической традиции, требующей исторического обзора. Между тем требуется нечто более, нежели простое переиздание или пересказ, а именно — диалог.

Мы исходим из одной из основополагающих идей Ю. М. Лотмана (и не только его): помещенные в новый контекст тексты порождают новые смыслы. Так, новые проблемы, которые были подняты уже в 1990–2000-х гг., создают новое поле для прочтений работ Лотмана — есть или нет в них ответ на вопросы, которые не были поставлены самим автором. Домысливание, а затем и до-

¹ Так, не так давно из редакции специализированного журнала (один из самых высоких импакт-факторов среди изданий по семиотике) мы получили отзыв, где рецензент усмотрел в лотмановском понимании текста чуть ли не цивилизационный разрыв между Западом и Востоком и счел нужным разъяснить:

What is understood under «text»? I suspect that the authors have in mind the concept as raised by Y. Lotman: for him a culture, a living being, a biosphere, a picture, even the universe may be conceived as a text. This is in opposition with the Western understanding, where text is a string of characters belonging to some alphabet. Not all such strings, however, have a status of text, only those that represent projections (reduction) from some natural language, i.e. string representing numerals or formal (programming) languages are not texts (2015 г.).

говаривание оказывается законной процедурой в таких случаях. Это не придумывание, а развитие самого текста — или той логики, которая была заложена в него автором. Поэтому автору и его текстам принадлежит приоритет и на несказанное им, остальным следует довольствоваться ролью комментатора или интерпретатора (с учетом того, что Ю. М. Лотман вполне мог и пересмотреть свою позицию).

В книге помещены статьи, в которых мы пытаемся раскрыть ключевые для мировоззрения Ю. М. Лотмана категории смысла, его организации и манифестации — как в тексте, так и в истории. Это не должно быть популяризацией или же компиляцией цитат, а явится попыткой продолжить высказанные Лотманом мысли и найти для них соответствующий контекст, в котором они могут звучать по-новому. Договаривая то, что было по тем или иным причинам недосказано, как это и предполагал сам Ю. М. Лотман, можно заставить классические тексты говорить².

Собранные статьи — на пересечении жанров. Они — «из истории поэтики и семиотики» и вместе с тем задумываются как ответы на некоторые актуальные вызовы (по Лотману — история всегда актуальна). Поводом для написания каждой из них была проблема, уже поставленная Ю. М. Лотманом. В некоторых случаях это требовало лишь экспликации и систематизации уже высказанного им, в некоторых заочный диалог приводил к новой постановке вопроса, в некоторых мы конкретизировали ту или иную идею Ю. М. Лотмана на новом материале. Почти все статьи были опубликованы в научных сборниках, выпущенных в честь Ю. М. Лотмана или в память о нем и ориентированных на развитие лотмановского наследия. Тем не менее собранные воедино, они создают кумулятивный и синергетический эффект — показывая возможность «новой жизни» лотмановских идей.

² Ср.: «Ныне “Гамлет” — это не только текст Шекспира, но и память обо всех интерпретациях этого произведения и, более того, память о тех вне текста находящихся исторических событиях, с которыми текст Шекспира может вызывать ассоциации. Мы можем забыть то, что знал Шекспир и его зрители, но мы не можем забыть то, что мы узнали после них. А это придает тексту новые смыслы» [Лотман 1999б: 22].

Список, кому автор обязан принести благодарности, занял бы куда больше места, нежели список кораблей у Гомера. Приведу лишь те имена, без которых не было бы этой книги. В первую очередь, это Зара Григорьевна Минц и Юрий Михайлович Лотман — люди необычайной доброты и человечности. Возможность войти в их гостеприимный дом, быть свидетелем и участником их бесед, видеть, как они работают, думают, спорят, — это был академический опыт, куда ценнее, чем можно было получить в аудитории. При этом оба они в быту вовсе не были оторванными педантами, как принято изображать профессоров. В их доме не было телефона, поэтому шли к ним без договоренности и предупреждения. Лотманы жили на третьем этаже, на первом располагался венерический диспансер, очередь туда доходила до второго этажа. На удивление стоящим, я, не спрашивая «кто последний», гордо шествовал на третий. Будучи крайне занятыми, Юрий Михайлович и Зара Григорьевна могли долго просить извинения, что сейчас они не могут принять для академической беседы, но в то же время всегда настойчиво приглашали на кухню — вид иногороднего студента внушал им непреодолимую потребность его накормить.

Будучи сам блестящим полемистом, Юрий Михайлович ценил умение возражать. Ему скучно было слышать поддакивания. Он был открыт к диалогу, и его желание понять собеседника ликвидировало все статусные барьеры. Он не делал скидок ни на старость, ни на младость и всегда говорил на равных. Поэтому мог он и очень изящно и жестоко высмеять — в том числе и самого себя. Не будучи догматиком, легко мог принять точку зрения оппонента, «По неопытности, ей-богу, по неопытности», — смеясь, примерял он к себе в таких случаях слова Горюхиного.

Именно этот опыт общения с Юрием Михайловичем позволил автору занять позицию не столько читателя книг Юрия Михайловича (и проигнорировать еще большее количество книг, написанных о нем), сколько собеседника, пытающегося заинтересовать (что греха таить — удивить) своего визави новыми идеями. С годами осознаю, как много я если и понимал, то крайне поверхностно и как мало, в сущности, мне есть что добавить. Единственное, что дает основание писать на эту тему и может оправдать меня в глазах Зары Григорьевны и Юрия Михайловича, — то, что

другие понимают еще меньше (если только...). Но это мне только кажется — по отношению к работам Ю. М. Лотмана не может быть какой-либо привилегированной позиции, хотя бы потому, что сам Лотман не признавал таковой и за собой — для него проблема всегда была открытой. И мне ни разу не довелось слышать от него «когда-то я уже писал об этом».

Благодарю моего друга и соавтора, Михаила Юрьевича Лотмана. Нам не удалось довести до завершения даже малой части задуманного вместе с ним — что мы амбициозно назвали общей теорией языков. Я до сих пор живу запасами того кладезя идей, которыми он щедро делился в 1975–1977 гг. (Отголоски этих идей можно найти и у Ю. М. Лотмана, в его наблюдениях относительно взаимодействия диаметрально противоположно организованных кодов [Лотман 19996]). Парадоксально, но нам так и не удалось написать ничего совместного — то, что напечатано, есть результат распределения разделов. Обычно же, после первой совместной страницы обнаруживались такие расхождения, что для их преодоления приходилось создавать еще одну теорию. Так, посвященные проблемам текста разделы — во многом результат дружеских пререканий относительно так и не написанного совместного доклада. Не возлагая на него ответственности за изложенное здесь, признаюсь, что многое продумано под его влиянием. Особая благодарность за его усилия по сохранению наследия Юрия Михайловича — это доступные для работы архив и библиотека Юрия Михайловича и Зары Григорьевны в Таллинском университете, это там же происходящие ежегодные международные Лотмановские чтения, а в серии специальной «Лотмановской серии» (*Biblioteca Lotmaniana*) публикуются архивные труды и исследования о Ю. М. Лотмане и З. Г. Минц (поразительно — при колоссальном объеме ими опубликованного как много интереснейших материалов оставалось и все еще остается в рукописном виде).

К сожалению, давно не имею сведений от другом моем друге и соавторе моей первой серьезной публикации, Игоре Аполлониевиче Чернове. Благодарен ему за то, что он ввел меня в мир московско-тартуской семиотики, его феноменальная эрудиция, риторическое мастерство и повадки задиры давали ему неоспоримые преимущества в любом споре: он легко доказывал, что то, что ты

говоришь, уже давно сказано и, более того, опровергнуто. Можно только сожалеть, что его талант лишь в ничтожной мере реализовался в его публикациях. Тщу надеждой, что в написанном здесь есть отголоски наших давних бесед, особенно по нереализованному проекту по социальной семиотике.

Особая благодарность — Эстонскому семиотическому фонду и его сотрудникам, а также Таллинскому университету. Благодаря полученной Лотмановский стипендии, в 2012 г. мне довелось семестр поработать в архиве и необъятной библиотеке Ю. М. Лотмана, в настоящее время перенесенных в Таллинский университет (замечу, что сам Юрий Михайлович к своим книжным полкам не подпускал, но если попросить — он сразу же находил нужную книгу и даже требуемое место по памяти открывал). Это стало стимулом вновь вернуться к в свое время невнимательно прочитанным трудам Лотмана, результатом чего стал ряд статей, написанных в последние годы и ставших основой предлагаемой книги.

Благодарен коллегам из Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (Калининград), где созданы и замечательная атмосфера, и условия для научного творчества. Общение с калининградскими коллегами, их интерес к семиотике как к междисциплинарному стержню гуманитарного знания дали возможность лучше осознать, насколько востребована эта проблематика и какие направления ее развития представляют в настоящее время наибольший интерес.

Наконец, все задуманное осталось бы благими пожеланиями, не будь финансовой поддержки Российского фонда фундаментальных исследований и готовности к сотрудничеству со стороны издательства «Языки славянской культуры», которым автор выражает искреннюю признательность и благодарность. Особо хочу поблагодарить ведущего редактора Ирину Полосухину за работу над изданием рукописи.

Художник Ф. Марков

Дорогой Суря,
спасибо за подарок
мешком и подарком
переноски. Вам же
всем Вашим тур-
измом всего самого
лучшего в 82 году.
Видела Ваше с
мешком пропуск
вашей для Fest-
schrift, мне по-
правилось. Не
всего же - мешок

Ваша: Ю. Поном

375009

Индекс предприятия связи места назначения

АВИА

Куда

Тамбов, 2-46,

Кому

Сур. Золему

Индекс предприятия связи и адрес

202400 отправителя ЭСР

Турту, Бурденко,

63-6, ЗМили-

Ю. Поном

Раздел I

ТЕМЫ

1. ЮРИЙ ЛОТМАН О ТЕКСТЕ: ИДЕИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

0. К постановке проблемы

Идеи Ю. М. Лотмана о тексте, казалось бы, хорошо известны и в популяризации не нуждаются. Один только обзор их упоминаний и обращений к ним мог бы стать предметом монографического исследования (поэтому мы предпочли не обращаться к этой теме). Однако, как это ни парадоксально, то, что было новаторским, до сих пор остается не только без какого-либо системного применения, но и, за исключением, пожалуй, ранних методик анализа поэтического текста, даже недостаточно освоенным. Ни в семиотике, ни в лингвистике, ни в теории литературы до сих пор нет обобщенного описания лотмановской концепции текста в ее соотнесении с современными представлениями, нет и оценки их потенциала. Между тем именно эти идеи могут лежать в основе новой теории текста — они могут быть востребованы как при рассмотрении динамических и коммуникативных аспектов текста, так и для усовершенствования существующих и создания новых методик текстового анализа.

Признавая возможность иных подходов, мы выделили пять, на наш взгляд, ключевых пунктов лотмановской концепции.

1) Прагматические факторы и критерии выделения текста (ср.: [Лотман, Пятигорский 1968]): разграничение между текстом и не-текстом основано не на лингвистических или семанти-

ческих, а на прагматических (социокультурных) критериях. Это предполагает возможное развитие лотмановской теории текста с использованием теории речевых актов, перформативов, языковых игр и т. п.

2) Текст как принципиально многоязычный и мультисемантический объект. Согласно Лотману, любой текст порождается при помощи как минимум двух разнородных языков и в процессе функционирования допускает множественность интерпретаций. Отсюда и представление о тексте как многомерном семиотическом объекте. Возможно развитие этих идей на основе модальной семантики (семантики возможных миров).

3) Текст и читатель (адресат). Одна из определяющих для Лотмана идей — это активная роль адресата (или культуры-реципиента) в раскрытии семантического потенциала текста, с одной стороны, и роль текста в формировании читателя (культуры) — с другой. Это предполагает рассмотрение текста в процессе коммуникации, где перспективным представляется основанный на когнитивистике мультидисциплинарный подход.

4) Текст как динамический саморазвивающийся объект. Лотмановские определения текста весьма близки к его определениям интеллекта (сознания) и культуры (семиосферы). По сути, эта триада (*текст — интеллект — семиосфера*) представляет собой различные аспекты одного и того же явления, в котором каждый из членов триады взаимно определяет, создает и развивает другие. Такой подход закладывает основы новой семиотики — где наряду со знаком в качестве основного объекта описания появляется понятие текста, а основными подлежащими описанию процессами станут текстопорождение, интерпретация и коммуникация.

5) Текст как комплексное отношение (функция в математическом смысле) между тремя переменными: это состоящая из знаков композиция (т. е. текст в узком смысле слова), адресат и контекст; к ним можно добавить и четвертую переменную: язык (знаковую систему).

Каждый из этих пяти аспектов может быть представлен как самостоятельная теория, однако представляется более существенным сохранить лотмановское целостное видение проблемы и обратить внимание на их взаимосвязь и взаимообусловленность.

1. В поисках текста как объекта

Идеи Лотмана о тексте формировались на протяжении почти тридцати лет (1960–1990-е гг.). Это именно тот период, когда возникал и сам объект (текст как объект семиотического и лингвистического описания), и соответствующие дисциплины (лингвистика и семиотика текста, с некоторыми оговорками — дискурс-анализ). Безусловно, лотмановская концепция текста формировалась поэтапно. Она существенно видоизменялась, но вместе с тем можно выделить ее некоторую остающуюся стабильной основу, которая принимает окончательную форму в последних работах Лотмана. Впервые он обращается к проблеме текста еще в «Лекциях по структуральной поэтике», полемизируя с современными ему концепциями:

Но при всем том молча подразумеваются два положения:

- 1) текст художественного произведения — это сумма графических знаков; 2) художественное произведение реально дано нам как текст.

Постараемся показать, что оба понятия даны нам не как метафизическая, отдельная от истории «реальность», а как определенное, исторически данное субъектно-объектное отношение [Лотман 1994а: 203].

Все последующие работы Лотмана можно рассматривать как демонстрацию и экспликацию приведенного тезиса. Поэтому исследования 1980-х — начала 1990-х гг. помогают лучше понять круг вопросов и не всегда четкие формулировки статей 1960–1970-х гг.

Безусловно, формирование лотмановской концепции необходимо рассматривать в контексте лингвистики и семиотики текста того времени. Попытаемся обрисовать этот контекст, не претендуя на полноту (см. соответствующие обзоры в [Гиндин 1972; Николаева 1977; 1978]) и сосредоточиваясь лишь на тех концепциях, которые были релевантными в кругу Московско-тартуской школы.

Можно считать признанным тот факт, что на развитие лингвистики текста поэтика оказала значительное влияние. В первую очередь следует указать пионерскую работу В. Я. Проппа о структуре волшебной сказки [Пропп 1928] и осуществленное К. Леви-Стросом последующее развитие этой модели на материале мифа

[Lévi-Strauss 1955]. Весьма интересными, но, к сожалению, не получившими должного освещения и развития были работы В. В. Виноградова о «единоцелостных структурах» в художественной прозе [Виноградов 1930]. Что касается собственно лингвистики, то текст как объект лингвистического изучения начинает привлекать внимание только в 1950-х гг., притом лишь частично и поэтапно. Безусловно, сказывалась многовековая традиция, которую соссюровский структурализм лишь закрепил и обосновал, — текст как продуцируемый феномен, как продукт считался относящимся к речи, тогда как объектом лингвистики, согласно последнему предложению «Курса общей лингвистики», должен был быть «язык, рассматриваемый в самом себе и для себя» [Соссюр 1977: 269].

Неслучайно интерес к тексту в лингвистике возникает из необходимости расширения синтаксической теории. Это четко видно на примере ставшей знаменитой статьи З. С. Харриса [Harris 1952], считающейся первой и (якобы) заложившей основы лингвистики текста (хотя главным в ней скорее было понятие трансформации). Что касается текста, то Харрис предложил распространить дополненный трансформационным компонентом дистрибутивный анализ на последовательность из двух и более предложений. При таком подходе лингвистика текста стала представлять собой некоторый усложненный вариант синтаксиса сложного предложения, что, кстати, наглядно видно по терминологии, используемой в 1950–1970-е гг. в русистике (сверхфразовое единство, синтаксическая строфа, абзац, сложное синтаксическое целое и т. п. — ср.: [Гаспаров 1976]). Даже преодолев соссюровское ограничение на изучение синтаксиса, лингвистика тем не менее исходила из одного из его фундаментальных постулатов — о линейности означаемого. Поэтому текст мог быть представлен как постепенное конструирование из минимальных единиц усложняемых от уровня к уровню синтагм. Возникала иерархическая лестница: слово, словосочетание, простое предложение, сложное предложение, сверхфразовое единство и, как венец всему, текст.

Однако вне лингвистики изучение текста шло по иному пути. Для обращавшихся к проблеме текста фольклористов, антропологов, литературоведов, философов он был не конечным, а исходным объектом и рассматривался не как результат некоторой линейной

композиции, а как изначально данное целое. Между тем понимаемый как целое текст оказывается структурой не линейной, а многомерной — такой подход можно связать с работой Леви-Строса «Структура мифа» (хотя сам Леви-Строс термин «текст» не употребляет). Правда, в этом вопросе Леви-Строс оставляет приоритет за Проппом, считая, что в его «Морфологии волшебной сказки» содержатся основные компоненты новой теории текста как нелинейного (многомерного) объекта [Леви-Строс 1983: 107].

Опираясь на идеи Леви-Строса, П. Рикёр предложил путь возможного совмещения герменевтики и лингвистики. Это позволило ему разграничить два аспекта текста. Используя восходящее к Дильтею противопоставление *объяснения* и *понимания*, Рикёр рассматривает выявление и описание внутритекстовых синтагматических и парадигматических отношений (по аналогии с описанием предшествующих уровней) как модель *объяснения* текста, тогда как моделью его *понимания* будет описание текста как коммуникации между ним и читателем; автор после создания текста рассматривается Рикёром только как «первый читатель» [Ricoeur 1981]. (Это, кстати, было достаточно близко к лотмановскому пониманию, у которого автор может выступать и как «первочитатель-редактор» [Лотман 2002: 21].)

Более радикальное разграничение между текстом как продуктом («произведением») и текстом как процессом (коммуникации и смыслопорождения) было предложено Роланом Бартом¹. Текст понимается как многомерное пространство:

¹ «Текст не следует понимать как нечто исчислимое. Тщетна всякая попытка физически разграничить произведения и тексты. <...> Различие здесь вот в чем: произведение есть вещественный фрагмент, занимающий определенную часть книжного пространства (например, в библиотеке), а Текст — поле методологических операций» [Барт 1989а: 414]. Заметим, что разграничение между текстом и произведением было намечено Лотманом еще в «Лекциях», но скорее лишь как маргиналия к основной теме:

...остановимся на отношении понятий «текст» и «художественное произведение». <...> Та историко-культурная реальность, которую мы называем «художественное произведение», не исчерпывается текстом. Текст — лишь один из элементов отношения. Реальная плоть художественного произведения состоит из текста (системы внутритекстовых отношений) в его отноше-

Ныне мы знаем, что текст представляет собой не линейную цепочку слов, выражающих единственный, как бы теологический смысл («сообщение» Автора-Бога), но многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников [Барт 1989б: 388].

Именно к такому пониманию текста довольно близко подходит Лотман в работах 1980-х гг. (см. ниже), но в 1960–1970-х гг. он все еще больше ориентируется на подходы, принятые в лингвистике. Из существовавших к тому времени наиболее оптимальной для него оказывается концепция Р. О. Jakobsona; в ней можно увидеть не только гармоничный синтез лингвистики и поэтики, но и развитие органических для Лотмана идей ОПОЯЗа и формальной школы. Jakobson перенес метод бинарных оппозиций и уровневого анализа, т. е. метода, предназначенного для описания единиц языка, на анализ поэтических текстов. Именно эта методика стала основой для структурного анализа поэтического текста — рассматривались конфигурации, образуемые языковыми единицами различных уровней, причем такие, которые не были детерминированы языковой системой, и именно этот аспект рассмотрения был Лотманом значительно усилен [Лотман 1970; 1972; 1994].

Как видим, в отличие от лингвистики, в поэтике и культурной антропологии текст выступает как исходная единица. Он рассматривается как особая многоуровневая форма организации языковых структур и смыслов. Однако методологические рамки указанных дисциплин требовали, чтобы все это рассматривалось как особая форма, отличная от языковой и характерная только для особых типов текста — сказки, мифа, поэтических текстов. Укоре-

нии к внетекстовой реальности — действительности, литературным нормам, традиции, представлениям. Восприятие текста, оторванного от его внетекстового «фона», невозможно. <...> Изучать текст, приравнивая его к произведению и не учитывая сложности внетекстовых отношений, — то же самое, что, рассматривая акт коммуникации, игнорировать проблемы восприятия, кода, интерпретации, ошибок и т. д., сводя его к одностороннему акту говорения [Лотман 1994а: 201, 213].

К этому разграничению Лотман более не возвращается, перенося выделенные им характеристики «произведения» на текст.

нению такого взгляда способствовали и сами авторы этих теорий, настаивавшие на уникальности исследуемого объекта. Так, Леви-Строс приписывал подобные характеристики мифу, а сам миф считал организованным по своим особым правилам промежуточным явлением между языком и речью. Якобсон видел в этом проявление языка в поэтической функции, т. е. установки на выражение, при которой модифицируются основополагающие принципы языковой организации («наложение оси подобия на смежность»).

Лотман, насколько мы можем судить, был первым, кто стал рассматривать дополнительные по отношению к языку формы организации как необходимые признаки любого текста, а не только художественного или фольклорного. Думаем, в этом проявился его предыдущий научный опыт. Прежде всего, перед тем как освоить концепции, сложившиеся в лингвистике, поэтике и культурной антропологии, Лотман подходил к тексту как историк литературы и отчасти как текстолог. Таким опытом не обладал никто из вышеперечисленных теоретиков. Между тем это совсем особый взгляд на то, что такое «текст». Если для лингвистики и, с определенными уточнениями, для лингвистической поэтики в духе Якобсона «текст» — это максимальная единица, изолированная от других текстов и предполагающая только дальнейшее членение, то для историка литературы «текст» если и существует, то, пожалуй, как минимальная единица анализа, примерно как «вариант» мифа в леви-стросовской трактовке. Так, историк литературы может изучать либо литературу как историю, т. е. как хронологию событий, либо творчество писателя как нечто целое; он может сосредоточиться на некотором сегменте его творчества («раннее творчество Пушкина», «южные поэмы Пушкина») или же на его некотором аспекте («романтизм Пушкина», «эстетика Пушкина»). Возможны даже такие исследования, объект которых лишь опосредованно связан с автором и его текстами («отражение классовой борьбы в “Капитанской дочке”», «Пушкин и декабризм» и т. д.). Во всех этих случаях текст если и рассматривается как нечто особое, то как 1) нечто данное, 2) несамостоятельное и не отделенное от других текстов и 3) вспомогательное — подобно тому, как текстология есть вспомогательная литературоведческая дисциплина. Литературовед, в отличие от

лингвиста, свободен в выборе того, что считать объектом своего исследования — это могут быть все произведения одного автора или даже целого направления или же литературное произведение в шлейфе сопутствующих текстов — письма, черновики, дневниковые записи и т. д. Не актуальна и проблема отделения текста от не-текста — так, в исследовании на равных правах могут фигурировать законченное произведение и неосуществленный замысел, черновики и варианты произведения и т. п.² Поэтому для литературоведа столь естественно рассматривать синхронические и диахронические комбинации текстов (проблемы становления жанров, литературная борьба между различными направлениями и т. п.) или же парадигматические отношения между ними (типология жанров, взаимовлияние и т. п.). Отсутствие границы между текстом и не-текстом способствует тому, что исследователь может оперировать и субтекстовыми единицами в отрыве от текста (изучение рифмы или метафорики, идеологические схемы на основе отдельных цитат и т. п.). В дальнейшем Лотман обобщает подобный релятивистский подход к тексту: он есть отражение базисного свойства текста одновременно распадаться на субтексты и формировать надтекстовые комплексы. Однако вначале, когда он, в отличие от своих коллег — историков литературы, обнаружил, что текст — это «не метафизическая данность», а подлежащая объяснению проблема, его несколько смутила подобная неопределенность, легко перерастающая в произвольность. Именно опыт лингвистики и перенявших ее методы смежных гуманитарных наук помог ему увидеть этот пробел. При этом Лотман старался выразить свою точку зрения посредством цитат, подобранных так, что они воссоздают уже оригинальное, именно лотмановское видение вопроса. На словах «доброй завистью» за-

² Как было замечено Лотманом, «текст» в литературоведении интуитивно рассматривался не как нуждающееся в экспликации понятие, а как объективная реальность, в определенном отношении противостоящая «субъективизму» исследователя. Говоря об «общепризнанном, хотя и не сформулированном понятии литературоведов», он его описывает так: «...Текст — графически зафиксированное художественное целое (или фрагмент художественного целого)» [Лотман 1994а: 203].

виду лингвистам³, он сохранил именно «историко-литературное» подвижное понимание текста:

Изучение истории текста, само движение текстологии к анализу эволюции художественного замысла, его воплощения и дальнейшей судьбы привело к объемному и подвижному, а не мертво-буквалистскому наполнению этого понятия. «Текст произведения есть явление изменчивое, текучее», — писал Б. В. Томашевский [Лотман 1994а: 203]⁴.

Привлечение лингвистического инструментария позволяет Лотману заметить слабость «литературоведческого подхода»: оставаясь неопределяемым и тем самым неопределенным, терялся сам текст как объект описания. Как можно предположить, его усилия направлены на то, чтобы эта неопределенность была преодолена и переосмыслена. Из текстологии он берет понимание относительности понятия текста, которое стремится дополнить структурными характеристиками. И здесь, несмотря на весьма почтительный тон, Лотман констатирует, что современная ему лингвистика понимает текст совсем по-иному: скорее как не-текст. Приводя определение текста Л. Ельмслева, Лотман в своем комментарии показывает его внутреннюю противоречивость [Лотман 1994а: 201–202]: текст, по Ельмслеvu, есть не единица языка (или речи), а полная синтагматическая реализация языка как системы, т. е. это нечто вроде речи-как-абсолюта (текст как бесконечная синтагма). Очевидно, что при таком понимании текст не может содержать ничего, кроме как манифестации регулярностей языковой системы. Не вступая в прямую полемику, этому подходу Лотман противопоставляет иной, и снова посредством цитаты: «А. М. Пятигорский подходит с иной точки зре-

³ «Если в современной лингвистической литературе происходит энергичное обсуждение содержания понятия “текст”, то литературоведение в этой области значительно отстало. Д. С. Лихачев в своем капитальном исследовании “Текстология” имеет все основания жаловаться: “Мне неизвестна ни одна советская текстологическая работа, в которой было бы обстоятельно рассмотрено основное понятие текстологии – “текст”» [Лотман 1994а: 201]. Цитата Лихачева приводится по: [Лихачев 1962: 116].

⁴ Цитата Томашевского приводится по: [Томашевский 1959: 87].

ния — текст представляется ему средством передачи информации» [Лотман 1994а: 202]. Безусловно, Лотман не мог не заметить и того, что в концепции Пятигорского текст рассматривается не как композиция его конститuentов, а как разновидность сигнала, т. е. неделимый знак [Пятигорский 1962].

Здесь Лотман невольно затронул крайне существенную для методологии лингвистики проблему — проблему преодоления соссюрдовской версии структурной лингвистики. Как мы уже упоминали, для Соссюра все, что выше лексического уровня, за несущественными исключениями есть сфера речи, а не языка. Именно Ельмслев последовательно реализовывал наиболее формализованную версию теории Соссюра (в отличие от Н. С. Трубецкого, Якобсона и Пражской школы, которые развивали эту теорию в функциональном ключе), и в этой концепции текст есть лишь синоним данного лингвисту материала для анализа. Но даже в тех направлениях, где появляется понятие текста как лингвистического объекта, путь к нему лежит от меньших единиц (предложений, сверхфразовых единств) к тексту. Лотман идет в противоположном направлении: от некоторой совокупности текстов (литература в целом, творчество Пушкина и т. д.) — к единичному тексту как объекту структурного анализа. Крайне примечательна мысль, которую Лотман «вычитывает» у Ельмслева: «Таким образом, каждый конкретный текст, привлекаемый исследователем, — лишь частица некоего абстрактного текста» [Лотман 1994а: 202], т. е. к единичному тексту можно идти не от совокупности текстов, а от некоторого текста как абстрактной модели, наподобие модели волшебной сказки у Проппа.

В поисках нового подхода к тексту Лотман был не одинок. Примерно в эти же годы Э. Бенвенист развивает принципы семиологии, отличной от соссюрдовской:

Ориентированная на решение семантических проблем «семиология второго поколения» должна преодолеть односторонность семиотического подхода <...>. Это преодоление должно идти в двух направлениях: во внутриязыковом (интралингвистическом) анализе — в направлении нового измерения означивания, означивания в плане речевого сообщения <...>. В надъязыковом (транслингвистическом) анализе текстов и художественных произведений — в направлении

разработки метасемантики, которая будет надстраиваться над семантикой высказывания [Бенвенист 1974: 88–89].

Однако показателен сам используемый Бенвенистом термин «транслингвистика»: даже для него самого это нечто, что, оставаясь в границах семиотики, уже выходит за рамки лингвистики. Лотман, особенно в 1960-х гг., искал в лингвистике необходимые ему методы, используя их, но не становясь их заложником.

Проекция высказанных в «Лекциях» идей на последующие работы помогает понять, что за коллажем цитат стоит прообраз еще не получившей окончательного оформления целостной оригинальной концепции, каждый компонент которой в той или иной степени уже был намечен как подлежащий дальнейшему развитию.

2. Формирование концепции

Идеи Лотмана о тексте уместно рассматривать не хронологически, а в соответствии с выделенными аспектами. В последовавших за «Лекциями» монографиях [Лотман 1970; 1972] фигурирует термин «текст», однако он появляется скорее как характеристика материала, который подлежит анализу (художественный текст), тогда как объектом анализа становится понятие «структуры», внутренней организации. Именно понятия «структуры» и «структурного метода» оказываются в центре внимания и в исследованиях, и в полемике вокруг них. Это несколько заслонило интенсивную работу Лотмана над уточнением того представления, которое уже было заявлено в «Лекциях»: текст есть определенное, исторически данное субъектно-объектное отношение. Работа над теорией текста есть одновременно и полигон для методологии новой семиотики: в первом томе лотмановских «Избранных статей» (Таллинн, 1992) соответствующий раздел озаглавлен «Текст как семиотическая проблема», хотя привычней было бы «Семиотика текста как проблема». Текст сам выступает как проблема, и выработка адекватного подхода к тексту и анализа его синтактики, семантики и прагматики и есть главная задача «семиологии второго поколения» (если воспользоваться формулировкой Э. Бенвениста).

Как можно было увидеть из ранее изложенного, Лотман, прямо не заявляя этого, уже в «Лекциях» отходит от лингвистиче-

Научное издание

Сурен Тигранович Золян

ЮРИЙ ЛОТМАН:
О СМЫСЛЕ, ТЕКСТЕ, ИСТОРИИ
ТЕМЫ И ВАРИАЦИИ

2-е издание

Корректор О. Круподер
Ведущий редактор И. Полосухина
Оригинал-макет и художественное оформление переплета
подготовлены И. Богатыревой

Подписано в печать 17.02.2020. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Minion Pro.
Усл. печ. л. 20. Тираж 300. Заказ №

Издательский Дом ЯСК
№ госрегистрации 1147746155325
Phone: 8 (495) 624-35-92 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

ООО «ИТДГК «Гнозис»»
Розничный магазин «Гнозис» (с 10:00 до 19:00)
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: +7 499 255-77-57
itdkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел
Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 499 793-58-01
sales@gnosisbooks.ru
www.gnosisbooks.ru, vk.com/gnosisbooks